

Татьяна ЧЕРКАШИНА:

«Мама и папа были очень красивой парой, но пришла война...»

**Елена
ХРАПОВА**

ЖИВЁТ в нашем городе жизнерадостная, энергичная женщина - Татьяна Фёдоровна Черкашина. Поёт в хоре, участвует во многих мероприятиях, что проводит отдел культуры. Она с 1962 года до выхода на пенсию работала в столовой геологии поваром, награждена медалью "За доблестный труд", многочисленными значками "Ударник коммунистического труда".

Родилась она в 1934 году в деревне Смоленской области, недалеко от города Рославль. Мать работала в колхозе, отец - на заводе. Семья жила счастливо, но началась война и всё разрушила. Татьяна Фёдоровна рассказывает:

-Я довоенную жизнь помню мало. Говорят, жили хорошо. В семье было трое детей, я старшая. Отца, Михайлова Фёдора Родионовича, помню молодым, красивым, высоким. Его почти сразу призвали в армию; проводили и больше папу мы не видели, погиб.

Советские войска отступали, из деревни все куда-то засобирались, и мы следом. Приехали в лес, где уже было много людей, коровы, лошади. Налетели немецкие самолёты, стали стрелять. Стояла жара, лес загорелся. Мы выскочили из леса, коровы разбежались, кони с телегами носились, я здесь убитых впервые увидела. Поплутали туда-сюда, решили домой возвратиться. По дороге два раза немецкие самолёты на нас налетали. Ведь видели лётчики, что идут только женщины с детьми, солдат нет, но строчили из пулемётов, как будто охоту вели.

Только пришли домой, видим в окно - немцы на лошадях въезжают. Лошади - красивые, высокие, у немцев на головах кокарды, сапоги блестят. Им навстречу вышли несколько мужиков с хлебом-солью: большой каравай на красивом расшитом полотенце несли. Потом один из них стал старостой, а другие - помощниками.

И пошли немцы по большаку мимо деревни. Наши отступающие солдаты были пешими, шли вразнобой. А немцы - колонной: сначала - танки, потом - грузовики с солдатами, на велосипедах много ехало, на лошадях. Ни одного пешего. Немцам наш дом понравился, подъехали и сразу: "Gut? Gut". Нас выселили. В доме сделали переговорный пункт, установили телефоны, столы, нары. Сад сразу вырубил, на его месте поставили два своих сборных дома. Кур, коров, свиней забрали.

Наши мальчишки и девочки стали в партизаны уходить. Неподалёку немецкий аэродром был, так мальчишки пробрались туда ночью и подпалили бочки с бензином. Как они стали взрывать, как полетели по воздуху части от самолётов! А на следующий день немцы всех мальчишек лет 14-16 забрали. Моего двоюродного братишку Сашу тоже увезли. Он сбегал, его ловили, собаки охранников у него мясо на ногах до костей выели. На четвёртый раз ему повезло: он убежал и попал к партизанам, после офицером стал. Из других мальчишек, которых забрали тогда, только один вернулся.

Взрослых на работу гоняли, а детей часто возили в лес по ягоды. Каждому давали норму. У солдат за спинами были металлические ёмкости с крышками. Мы боялись ягоду положить в рот: а то зубы, губы чёрные будут, могли нахлестать! Ничего не платили, лишь иногда перепадало по кусочку хлеба. Один раз, когда ехали из леса, видели, как в Козловке большой барак горит. Вокруг стояли немцы с собаками, с ружьями. Такой страшный крик был из барака! Кто-то сказал, что это евреев жгут. Может, там и партизаны, и военнопленные были. Немцы всех, кого ловили, в эти бараки заталкивали. Женщины заплакали, молиться стали.

Один раз я возле деревни баночку маляны набрала, а зашёл к нам немец, увидел ягоду и унёс. Меня это так разозлило! Я очень боялась немцев, но тут не утерпела. Выследила, когда он вышел, заскочила в дом, схватила банку - и бежать! У соседей много детей было, меня спрятали. Тот солдат искал меня. А немцы, что стояли у нас, часто менялись. Пока эта команда в деревне жила, я пряталась, когда другие приехали, снова стала на улицу выходить.

А чем мы питались? К обеду выходим на улицу, воздух понюхаем: тут кашу с тушёной варят, там борщом пахнет. Идём туда, где каша, стоим с котелками, ждём. Немцы солдат накормят, потом повар в котёл воды горячей нальёт, побухает, по бокам поскребёт и нам в котелки эту кашу выливает. Помои иль не помои, а я помню, что это вкусно было. Была картошка, сеяли ячмень, овёс. Мы несколько колосьев сорвём, и мама суп варит. А бывало, мы чугунок картошки сварим - заходят немцы. Мыло увидели - забрали, из печки чугунок вытаскивают - картошку себе в карманы высыпаяют.

В Козловке был элеватор, который немцы превратили в склад. Его разбомбили, и по лесу раскидало мешки с рисом, пшеном. Мешки - белые, на каждом ястреб нарисован, рис - отборный, хороший. После бомбёжки много убитых лежало, а мы внимания не обращали, ползали, рис да пшено горсточками собирали. Разбомбили маслозавод, и даже по реке масло текло. Мы его черпачками с земли, с луж собирали в банки.

Партизаны к нам приходили. Для них мы вязали носки, рукавицы. И я вязала длинные чулки, чтобы до колена. Когда шерсть кончилась, стали из старых шинелей, бушлатов шить.

Многих девочек и мальчиков постарше в Германию угнали. Моих двоюродных сестричек, Ксеню и Лизу, увезли в Кёнигсберг. А молодые женщины мазали лица чем-то, платками накрывались, горбились - страшными делались, как старухи.

Немцы у нас около трёх лет были, потом стали уходить. Утром встали - нигде никого, тишина. Мы в свой дом зашли. Дверь открыли, и нас как шибануло - дым столбом! Видать, что-то жгли в печке, а трубу не открыли.

Вечером наши солдатики пришли, они

в нашем же доме остановились - там ведь нары и столы от немцев оставались, а к дому были линии связи проведены, столбы вкопаны. Солдаты пришли усталые. К ним женщины еду несли, расспрашивали: "А вы моего мужа или отца не видели?"

После войны, помню, мы побежали в город. По железной дороге поезд шёл: вагоны - чёрные, в каких скот возят, в них наши люди возвращались домой. Поезд шёл медленно-медленно, и на ходу из него люди выпрыгивали. Сестрички, в Германию угнанные, вернулись. Помню, как они с поезда прыгнули: бегут по большаку, а мы к ним навстречу бежим, слёзы сами льются...

Когда война закончилась, и картошка появилась, и ячмень, грибы собирали, ягоды. Но всё равно было голодно. Сгоревших разобранных домов было много. Возле каждого дома - окоп, а на настилы - крышу для них: шли брусья, брёвна из домов.

Потом тётя завербовалась на Сахалин, и маме вызов прислала. И поехали мы в 1947 году на Дальний Восток. Попали на самый последний пароход. Пять суток качались, шторм перенесли, думали - не выживем. Дальше на поезде - маленьком, словно игрушечном, поехали по берегу моря из Холмска в Томари. Мама стала работать в ОПС, и я с 13 лет работать пошла - почтальоном. Люди шутили, что сумка-то больше, чем я сама. Училась в вечерней школе. А что было делать? Мама одна, детей, кроме меня, ещё двое. Потом я вышла замуж за военного, две дочери родились.

В 1962 году муж, Николай Семёнович Черкашин, вышел в отставку, и мы приехали в Мегион. Муж стал работать в СУ-12. Помню, летом жили на берегу Меги в палатке. Мужчины сами себе строили дом, женщины отделявали его, к зиме переехали. Я устроилась поваром в геологию. Сначала у нас был котлопункт. Так много мальчишек молоденьких сюда приезжало, и всех мы кормили. Потом создали столовую на 30 мест, потом новую - больше, лучше.

После построенный самостоятельно дом разобрали, мы переехали в коттедж на две семьи, через некоторое время ещё лучше квартиру получили. Я Мегион полюбила, всё хорошее с ним связано. Здесь живут две мои дочери со своими семьями: Галина и Валентина Николаевны, ныне я уже прабабушка. О чём мне горевать? Только бы на хор не опоздать!